

**МЕТАФОРИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА С КИРГИЗСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)**

Э.Ш.АБАКИРОВА, О.Ж. БААТАЕВА

E.mail. ksucta@elcat.kg

Макалa кыргыз фразеологизмдерин орус тилине которуудагы кыйынчылыктарга арналган. Мында фразеологизмдердин өтмө мааниси жана алардын маанисин өзгөртпөй которуудагы кыйынчылыктар изилденген.

Статья посвящена проблемам перевода киргизских фразеологизмов на русский язык. Рассматриваются метафоричность фразеологизмов и специфика перевода. Исследуются способы передачи устойчивых единиц и проблемы сохранения внутренней формы фразеологизмов киргизского языка.

The Article is dedicated to problem of the translation kyrgyz phraseology on russian language. metaphorical phraseology And specifics of the translation are Considered. The ways of the issue of the firm units and problems of the conservation of the internal form phraseology kyrgyz language are Researched.

Давно известно, что такие тропы, как метафора и метонимия представляют собой не украшение существующего значения, а несут в себе новую информацию. При переводе на другой язык эта информация должна быть адекватно передана. Однако при попытке объяснить значение метафоры развернутым высказыванием определенная часть смысла теряется. Для этого существуют объективные причины: троп и его экспликация представляют собой разные способы передачи информации – аналоговый и цифровой (различное соотношение данных видов информации играет важную роль как при порождении, так и при восприятии и интерпретации тропа, осуществляемых благодаря функциональной асимметрии мозга человека.

На наш взгляд, наиболее типичным представителем аналоговой коммуникации в языке является метафора, а метонимия, соответственно, представляет собой цифровой способ передачи информации.

В человеческой коммуникации сложность перевода присутствует всегда. Перевод с цифрового вида на аналоговый невозможен без огромной потери информации, но и обратный перевод также очень сложен /2, с. 63/. Отсюда следует вывод, что при переводе

текста с одного языка на другой важно адекватно передавать тропы во избежание таких информационных потерь.

Кроме того, значительно осложняют перевод имманентные тексту коннотации Р.Барта, основной функцией которых является порождение двойных смыслов и нарушение чистоты коммуникативного акта /1/. Даже привычные понятия, согласно А. Вежбицкой, лишены для нас коннотации, при сравнении с “эквивалентами” в других языках обретают новые смыслы /4/.

Все это, несомненно, создает массу трудностей при переводе. Поэтому переводчик всегда должен “лабиринтировать”: где-то добавить, где-то убрать, где-то изменить, сохранив при этом прагматический эффект. Это своего рода игра, как и метафорический дискурс вообще.

У этих двух явлений есть и другие общие моменты: метафора (согласно современной теории) лежит на пересечении двух концептуальных сфер, нормально не сочетаемых. Этот неизбежный конфликт и роднит метафору и перевод. Ведь последний, в свою очередь, лежит на пересечении двух культурных сфер (в терминологии Гудмена – двух различных миров /5/), также не сочетаемых в нормальных условиях. Переводчик создает такой элемент, такой текст, который принадлежал бы одновременно двум культурам, точно так же как любой человек, воспринимая метафору, для ее интерпретации (обратите внимание на внутреннюю форму этого слова!) ищет тот объединяющий элемент, устраняющий конфликт разноклассовых понятий. Поэтому любой перевод тоже является метафорой в широком смысле этого слова.

Все эти составляющие языковую картину мира элементы, конструкции и ассоциируемые с ними поля представлений – не просто “осколки” прежних концептуально-языковых систем или эмотивные “добавки” к бесстрастной концептуальной модели реальности. Эти средства, служащие материалом для формирования новых понятий, перерабатываются сознанием человека, творящим новые гносеологические образы элементов действительности. При этом в сфере отражения невидимого мира основной массив этих образов произведен именно при опоре на языковые сущности. Достаточно отметить, что такие, например, абстрактные понятия, как “добро”, “сомнение”, “решение”, “воля”, “долг” и т.п., не только сконструированы человеком как константы его внутреннего мира, но и получили развитие и детализацию при непосредственном участии вербально-ассоциативных механизмов. Ср., например, **искоренить добро** (или зло), где вскрывается осознание того, что эти сущности как бы имеют корни, т.е. что их причина достаточно постоянна (воспроизводима); в высказывании **Сомнение закралось в ее душу** очевидна ассоциация сомнения с чем-то

затаенным, в сочетании **червь сомнения** – с чем-то *разъедающим*. Аналогичный образ можно продолжить на примере сочетаний **потерять волю, воспитывать (в себе) волю (к победе), железная воля; сети заговора, цепь неудач, луч надежды, сын народа** и т.д. Здесь не только метафорические обозначения, но и сами опорные наименования "проясняют" свою смысловую потенцию в данных комбинациях. И такие комбинации – не уникальные и случайные соединения: как правило, они составляют регулярные по смыслу парадигмы при опорных наименованиях.

Проблема языковой картины мира теснейшим образом связана с проблемой метафоры как одним из способов ее создания. При этом языковая картина мира служит, прежде всего, целям выражения концептуальной картины. И именно к форме выражения относятся все те языковые механизмы, которые организуют языковую картину мира. Но поскольку форма не безразлична к содержанию, то и языковая картина мира самым непосредственным образом влияет на содержательный аспект отображения действительности.

Картина мира в целом «не может быть выполнена в "языке", незнакомом человеку... Картина мира ни в коей мере не должна быть и стенограммой знаний о мире». Она не есть зеркальное отображение мира и не открытое "окно" в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение.

Общеизвестно, что основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия, и любой троп как "иносказание" (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов, – метафоры, метонимии, гиперболы и т.п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию и, прежде всего, между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе "восхождения" от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению.

Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. Так, пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке, то, что впереди осознается как будущее, а оставшееся

позади – как прошлое: проявления благородного начала обозначаются посредством прилагательного *высокий* (высокие чувства, стремления, помыслы), недобрые замыслы обозначаются как низкие и низменные (низменные чувства, низкие побуждения, мысли); ориентация вправо мыслится как "истинный" путь – праведный или правильный, как правда; верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (**быть на верху блаженства, на седьмом небе, в зените славы**), а низ – как символическое пространство "грехопадения" (ср. **готовность провалиться от стыда, сквозь землю**, ср. также **низвергнуть, низложить, опускаться на дно жизни** и т.п.). По антропоцентрическому канону создается та "наивная картина мира", которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как "опредмеченные" константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т.п. качественными, динамическими и ценностными свойствами, например: рус. **Дождь идет, hcm.es regnet**, англ. **It is raining**; ср. также: *Червь сомнения подтачивает его волю; Сомнение гложет меня; Радость охватила мою душу; Он настоящий медведь* и т.д.

При исследовании картины мира, закрепленной в языке, в той его части, которая организована тропами и их ассоциативными потенциями, необходимо учитывать прежде всего роль каждой из разновидностей тропов, а их, как известно, достаточно много, хотя границы между видами тропов и различного рода фигурами речи провести затруднительно /1/. Кроме того, при изучении закрепленного в данном языке описания мира необходимо также выявить не только общие, универсальные принципы организации невидимой действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком, – как самим его строим, так и национально-культурным сознанием его носителей.

Обращение к материалу одного языка лишает исследователя возможности сопоставления и выявления ярких и неожиданных контрастов и тонких оттенков, но зато это позволяет уловить характерные для данного языкового отображения тенденции, связанные с обычными для определенного языкового коллектива ассоциациями.

Известный лингвист Т.З.Черданцева придает большое значение метафоре в семантической структуре фразеологизмов: "На основе метафоры образуются переносные и другие вторичные значения слов, термины. Такая метафора из фигуры речи переходит в языковой знак и носит совершенно иной характер. Она может быть либо словесной (тогда она ложится в основу мотивированности одного из вторичных значений слова или изначального значения нового слова), либо, если метафора выражена словосочетанием, она, как правило, фразеологизируется" /3/. По ее мнению, метафора, лежащая в основе

образной мотивированности идиом, понимается в классическом смысле, т.е. как троп, образующийся в результате употребления слов в переносном значении по принципу сходства денотатов и их функций. В отличие от словесной метафоры во фразеологизме перенос значения происходит по сходству целых ситуаций, выраженных чаще всего словосочетанием.

Анализ семантической структуры и внутренней формы фразеологизмов русского и киргизского языков выявляет закономерности метафорического переосмысления.

В эквивалентных синонимических рядах ФЕ (фразеологические единицы) со значениями «от удивления, волнения или других психических переживаний широко раскрыть глаза» – «көпкө тиктеп тура берүү, таң калуу, көргөнүнө ишенбөө» проявляется специфика метафорического переноса. Сравните фразеологические эквиваленты: **вытаращить глаза, широко раскрыть глаза, тарашить глаза, не верить собственным глазам, пялить глаза, выпучить глаза** – **көзүн албоо** (букв.: «не убирать глаз»), **көзүн айырбоо** (букв.: «не отрывать глаз»), а также киргизский синонимичный оборот **оозун ачуу** (букв.: «раскрыть рот»), имеющий специфическую внутреннюю форму со смысловым центром «ооз» – «рот».

Метафорическое переосмысление происходит путем переноса наименования целого (психического состояния «удивляться») на какие-либо перемены во внешности человека. Смысловыми центрами являются соматические наименования, существительные, обозначающие орган зрения «**глаза**» – «**көз**».

Глагольные компоненты русских и киргизских ФЕ выражают действие. Дифференциальным признаком киргизских идиом является **дополнительный семантический оттенок (ДСП)** – «смотреть в упор, «не убирать» – «не отрывать глаз от удивления».

В семантической структуре эквивалентных фразеологизмов выделяется коннотативное значение. Анализируемые русские ФЕ имеют эмоционально-экспрессивную окраску «отрицательная, ироничная, грубая»: «удивиться очень сильно, так, что **глаза вытаращил (выпучил, выпялил)**, то иметь глупый вид». В киргизских эквивалентах коннотация не выражена четко, как в русском языке.

Специфичность метафоризации фразеологических эквивалентов обуславливает дополнительные семантические оттенки, например: **тарашить глаза, широко раскрыть глаза** (ДСП «открыть глаза») – **көзүн айырбоо** (ДСП «смотреть, не отрываясь») – **көзүн албоо** (ДСП «смотреть прямо, в упор»).

В обороте **таращить глаза** можно заменить глагольный компонент синонимами «**вылупить**», «**выпучить**» и т.д., в результате получается лексический вариант со значением «удивленно, бессмысленно смотреть, не понимая».

Если глагольные компоненты в обороте **көзүн айырбоо / албоо** заменить глаголом «**жалдыроо**» (**көзүно жалдыроо**, букв.: «смотреть жалостливо»), получится ДСП «смотреть жалостливо, ничего не понимая от удивления».

В русском языке устойчивые единицы **таращить глаза, широко раскрыть глаза** употребляются только в значении «удивляться».

Рассмотрим весь синонимический ряд с данным значением: **смотреть** (направлять, устремлять взгляд на кого-либо, что-либо и куда-либо); **глядеть, взирать, глазеть** (прост.; пренебр.), **таращить глаза** (прост.; пренебр.); **пялить глаза** (груб.; прост.) – Сравни. **взглянуть, уставиться**.

Например, фразеологизм **пялить глаза** (на кого) («откровенно и пристально рассматривать кого-либо») функционирует в следующем контексте так: «*В редакции **пялили глаза** на тоненькую девушку в кожанке, с кавалерийским карабином, удивленно брали стихи, обещали прочитать*» (Б.Лавренёв). ФЕ в данное предложение вносит коннотацию удивления, пренебрежения, которая дополняется второй половиной фразы «*удивленно брали стихи, обещали прочитать*». Использование только одного оборота вполне достаточно для передачи содержания, но писатель подчеркивает пренебрежительное удивление редакции, описывает общее настроение, заключенное в просторечном обороте и во всем контексте.

Анализ позволяет сделать вывод о том, что киргизские фразеологизмы имеют более широкое значение, чем русские сочетания. Киргизские обороты могут передавать не только состояние удивления, но и проявление интереса к кому-то или к чему-то, состояние страха и другие сильные чувства, например: 1. «*Мыскал араба айдаган адамдын баласынан **көзүн албады***». (Сыдыкбеков). – (букв.: «Мыскал не отрывала глаз от ребенка того человека, который ехал на телеге»); 2. «*Жапар Жамыйладан **көзүн албады***». (Баялинов). – («Жапар не отрывал глаз от Джамили»); 3. «*Ээрге колуң басканда, эки **көзүм айырбай** карап турдум калтыран*». (Эр Табылды). – («Когда ты держался за седло, я смотрел, не отрывая глаз, и дрожал»).

Эмоциональное состояние «тревоги и удивления, интереса к кому-либо, содержащееся в контекстах, выражено одинаково через синонимичные идиомы киргизского языка.

Остальные фразеологизмы имеют специфику метафорического переноса, например: **пялить глаза, вылупить глаза, не верить своим глазам – көзүн жалдыратуу** (букв.: «смотреть жалостливо глазами»).

Рассмотрим эквивалентные синонимические ряды фразеологизмов с общим значением «очень волноваться, возбуждаться, вспотеть, испытать страх, сильное волнение и дрожать при этом»: **бросает в дрожь, бросает в пот, пот прошибает, бросает/кидает в жар/в холод** кого (разг.).

Семантическими центрами фразеологизмов являются глаголы «**бросать/кидать**» и просторечный синоним **прошибать**. Внутренняя форма сочетания построена на метафорическом переносе действий *бросать, кидать* на психофизическое состояние «волнения», сопровождаемое дрожанием тела: **бросает в дрожь/в пот; кидает в жар/в холод; пот прошибает**. В образном стержне русских выражений подчеркивается сила ощущений, поэтому употреблены глаголы, обозначающие действия: **бросает** (нейтр.) – **кидает** (с большей силой) – **прошибает** (насквозь).

Дальнейшая метафоризация с компонентами **дрожь, пот, жар, холод** детализирует фразеологический образ, например: **дрожь прошибает, в дрожь бросает, дрожь по спине бегаёт, дрожит, как осиновый лист**.

В киргизском языке синонимический ряд со сходным значением «кан -дайдыр бир кооптуу же кубанычтуу нерсени күткөндөй, анын эмне болуп бүтөрүн ачык билгиси келгендей тынчсыздана берүү, көңүлү эргип, токтоно албай элеп-желеп болуу, чыдамсыздануу» включает идиомы: **жүрөгү ойноду** (букв.: «сердце играло»), **жүрөгү туйлап кетти** (букв.: «сердце забилося»), **жүрөгү аттай туйлоо** (букв.: «сердце забилося, как конь»), **жүрөгү элеп-желеп болуу** (букв.: «сердце прыгало, волновалось»).

Киргизский фразеологический ряд относится к промежуточным зонам двух семантических полей: «психическое состояние лица» и «физическое состояние лица». Внутренняя форма этих ФЕ отличается яркой метафоричностью и многозначностью.

В киргизских ФЕ со смысловым центром «**жүрөк**» («сердце») в основе трансформации значения находится метафора по сходству ощущений и действий целого (человека) и его части (сердца). Сердцу как части организма человека не свойственны качества, присущие только самому человеку, например: **жүрөгү ойноду** (букв.: «сердце заиграло»), **жүрөгү туйлап кетти** («сердце зашевелилось»); **жүрөгү аттай туйлоо** («сердце забеспокоилось, зашевелилось, как конь»). В киргизском языке лексема **жүрөк** оказывается наиболее продуктивной в образовании идиом, например: **жүрөк эзилет** (букв.: «он любит так, что души не чаёт»); **жүрөк жарылат** («радоваться очень сильно, так, что сердце разорвется»); **жүрөк түшөт** («испугаться так, что сердце падает»); **жүрөгү**

оозуна тыгылат («перепугается так, что сердце воткнется в рот»); **жүрөгү шуу дейт** («волнуется так, что сердце шумит»).

В синониме **көңүлү толкуду** (букв.: «настроение взволновалось») смысловым центром является слово «**көңүл**», оно употребляется как семантический эквивалент слова «**жүрөк – сердце**»: **жүрөгү толкуду/ көңүл толкуду**.

Список литературы

1. Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.
3. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. – М., 1990. – С. 78-92.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. Гудмен П. Способы создания миров. – М.: Идея- пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.